

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ИСЦЕЛЕНИЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА

Е.Я. ВОЛОХОНСКАЯ

Эссе является одной из первых попыток использования онтологического символизма в качестве языка православной антропологии и представляет собою описание трех из двенадцати типов личности, выделенных автором на основании символического прочтения евангельских рассказов об исцелении телесных недугов.

Ключевые слова: Евангелие, символ, исцеление, типология, дух, душа, тело

Преподобный Варсонофий Оптинский говорил, что все человечество, живущее на земле, делится на два разряда людей, и каждый из нас волен выбрать, к какому разряду принадлежать: быть злодеем, распятым справа от Иисуса Христа, или злодеем, распятым слева. Других вариантов нет, только эти два: будучи пригвожденными ко кресту, признать, что мы достойное по делам своим приемлем, или злословить Творца и Спасителя нашего, глумливо требуя спасти Себя и нас, если Он и вправду Христос. На чем нас застанет Господь в наш смертный час, за то и судимы будем. Злодей справа пойдет в Небесный Иерусалим, злодей слева — в геенну.

В Небесный Иерусалим, по слову святителя Игнатия Брянчанинова, ведут только одни врата — покаяние, и это значит, что двенадцать врат из цельных жемчужин (жемчуг — слезы) в Откровении Иоанна Божьего слова суть двенадцать образов покаяния.

Число двенадцать в Священном Писании встречается часто и, по мысли священника Владимира Цветкова, прямо или прикровенно означает полноту многообразия путей человеческих ко спасению или, что то же, двенадцать апостолов, являющих двенадцать типов отношения ко Христу.

Согласно святоотеческой экзегетической традиции, прообразами двенадцати апостолов в Ветхом Завете являются двенадцать источников

воды в Елиме, при которых расположился ведомый Моисеем Израиль, прежде чем двинуться в пустыню Син, что между Елимом и Синаем [Исх. 15: 27], и двенадцать хлебов предложения [Лев. 24: 5], двенадцать камней из Иордана [Иис. Нав. 4: 3—8] и двенадцать волов, на которых стояло литое из меди море во дворе Соломонова храма [3 Цар. 7: 25], и многое другое.

Двенадцать коробов с остатками хлеба [Мф. 14: 20], двенадцать оснований стены и двенадцать камней, их украшающих, двенадцать врат и двенадцать ангелов на вратах в Небесном Иерусалиме [Откр. 21: 12—21] — примеры символов двенадцати апостолов в Новом Завете.

В приведенных знаменованиях подчеркивается скорее то общее, что объединяет апостолов, нежели различия между ними. Так, источники воды в Елиме прообразуют апостолов как щедро изливающих благодать Духа Святого на внимающих их благовестию; хлебы предложения значают их как питающих душу человеческую; двенадцать камней, взятых из Иордана — как твердых в вере и служителей крещения; двенадцать коробов — как вместивших то высокое в учении Господа, что не всем было дано вместить. Двенадцать волов, на которых стояло медное море, служившее умывальницей для священников (по преданию, священники пользовались водою моря снизу, при помощи кранов или отверстий в пастях волов или в стенке самого бассейна, между группами волов) означает апостолов как основания Церкви, а также восходящее к апостолам рукоположение священства новозаветного.

Это общее, объединяющее апостолов, есть то, чем быть или к чему стремиться заповедано каждому из нас. В случае прообразования апостолов медными волами, описанном выше, намечается и тема различий апостольского служения. Головы волов обращены к четырем сторонам света: три вола смотрят на восток, три на север, три на юг и три на запад, подобно тому, как в Небесном Иерусалиме «с востока трое врат, с севера трое врат, с юга трое врат и с запада трое врат».

Но наиболее ярко различия путей человеческих представлены в Ветхом Завете историей двенадцати колен Израилевых, также таинственно прообразующих лик двенадцати апостолов. В падениях и восстаниях сыновей Иакова и происходящих от них двенадцати колен, при внимательном рассмотрении, может и должно быть прочитано подробное и глубокое описание основных человеческих типов, как может и должно оно быть прочитано в евангельском повествовании о двенадцати апостолах. Пока же нам бывают порой видны лишь отдельные золотые блески в сплошь драгоценном песке Писания, еще ждущие своего старателя.

Ниже читателю предлагается три фрагмента из незавершенной еще работы, представляющей собой попытку прочтения онтологической типологии человека в евангельских рассказах об исцелениях. Они посвящены исцелениям прокаженных, скорченной женщины и человека, страдающего водяной болезнью. В оставшихся девяти частях речь пойдет об исцелении слепых, расслабленных, кровоточивой, бесноватых, глухих (они бывают и немыми, а бывают и только гугнивыми), немых (они могут и не быть глухими, но они всегда, за исключением Захарии, отца Иоанна Предтечи, бесноватые; хотя бесноватые не обязательно немые), о сухоруком, о лежащей в горячке Петровой теще и, наконец, о воскресших, являющих наивысший тип исцеления.

Проказа — обольщение духом времени владычественной силы души — логикона

Когда же сошел Он с горы, за Ним последовало множество народа. И вот, подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистишься. И он тотчас очистился от проказы. И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай; но пойди, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им [Мф. 8: 1—4].

Приходит к Нему прокаженный и, умоляя Его и падая пред Ним на колени, говорит Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисус, умиловшись над ним, простер руку, коснулся его и сказал ему: хочу, очистишься. После сего слова проказа тотчас сошла с него, и он стал чист. И посмотрев на него строго, тотчас отослал его и сказал ему: смотри, никому ничего не говори; но пойди, покажись священнику и принеси за очищение твое, что повелел Моисей, во свидетельство им. А он вышел начал провозглашать и рассказывать о происшедшем, так что Иисус не мог уже явно войти в город, но находился вне, в местах пустынных. И приходили к Нему отовсюду [Мк. 1: 40—45].

Когда Иисус был в одном городе, пришел человек весь в проказе и, увидев Иисуса, пал ниц, умоляя Его и говоря: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. Он простер руку, прикоснулся к нему и сказал: хочу, очистишься. И тотчас проказа сошла с него. И Он повелел ему никому не сказывать, а пойти показать священнику и принести жертву за очищение свое, как повелел Моисей, во свидетельство им [Лк. 5: 12—14].

И когда входил Он в одно селение, встретили Его десять человек прокаженных, которые остановились вдали. И громким голосом говорили: Иисус Наставник, помилуй нас! Увидев их, Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились. Один же из них, видя, что ис-

целен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя [Лк. 17: 12—19].

Проказа символизирует принятие ложных представлений и расхожих мнений, всеваемых духом времени. Это недуг, поражающий, прежде всего, логикон — ум душевный, владычественную силу души, а затем — и дух человека¹.

Согласно данным Библейской Энциклопедии, проказа обычно начинается изнутри и часто скрывается в течение многих лет без всяких наружных признаков. Болезнь охватывает собою все кости и мозг, так что связки рук и ног теряют свою силу. Все телесные члены ослабевают и, наконец, опадают. На теле появляются язвы и струпья.

Кости, как говорят нам Святые Отцы [Зигабен, 2000, Пс. 30, 11; Пс. 33, 21; Пс. 34, 10; Пс. 37, 4], символизируют твердые, охраняющие душу помыслы. Их поражение проказой знаменует собою ослабление духовного начала в человеке, вместе с которыми приходят в расстройство все силы и способности души. Язвы и струпья, появляющиеся на теле прокаженного, означают нарушения в его отношениях с ближними, так как кожа является как бы дверью между Я и не-Я и через нее осуществляется и взаимодействие с окружающим миром, и защита от его опасных влияний. Язвы и струпья на коже — это, видимо, повышенная конформность, внушаемость, или особая уязвимость духом века сего, благодаря которой следование расхожим мнениям и ценностям этого мира доходит до такого предела, когда «прокаженного» не хочет терпеть уже само общество, эти мнения и ценности насаждающее.

Очищенный прокаженный, которому посчастливилось достичь той стадии болезни, когда она уже не считалась заразной, должен был показаться священнику и принести соответствующие жертвы, после чего один «священник омочал ему кровью мочку уха и большие пальцы

¹ Это уже вторичное поражение духа. Сам ум душевный становится подвержен недугам лишь после падения человека, то есть после разрыва в падении духа человеческого с Богом, вызвавшего расхождение между умом духовным и умом душевным. У павшего человека «душевный ум предоставлен самому себе и не получает воздействий от духовного ума в виде интуиций, поэтому он теснее связан с неразумной душой и предан страстной деятельности. Он обратился к чувственному, мирскому и вещественному, стал плотским умом... Он стал малым разумом в человеке... Потеряв свою власть над внутренним миром души, малый разум претендует на власть над внешним миром...» [Позов, 1965, с. 65].

руки и ноги, между тем как другой священник помазывал его елеем, и он выходил очищенным» [Дидон, 1998, с. 302].

Иными словами, установленный обряд символизировал, прежде всего, исцеление слуха, то есть очищение от ложных представлений, со слуха воспринимаемых, а затем уже как бы клал начало исправлению дел (большой палец руки) и путей (большой палец ноги).

Жертва, которую должен был принести очистившийся от проказы, символизирует необходимость для него отказаться для начала хотя бы от чего-то из тех мнимых благ, о которых он ревновал, будучи в обольщении.

Прокаженный [Мф. 8: 1—4; Мк. 1: 40—45; Лк. 5: 12—14] страдает и сам ищет исцеления, сам подходит к Господу и, кланяясь, смиренно просит Его о нем. И Господь, прикоснувшись к нему, исцеляет его. Исцеление свое прокаженному надлежит свидетельствовать делами, а не словами, так как ложные представления его были реализованы в поступках, и теперь он должен исправлять дела свои и пути.

Десять прокаженных [Лк. 17: 12—19] символизируют, может быть, десять заповедей, не исполняя которые человек помрачает свой ум и оказывается в плену у духа века сего. Вернувшийся поблагодарить Господа самарянин тогда знаменует собою исполнение первой и важнейшей заповеди: «Аз есмь Господь Бог твой; да не будут тебе бози инии, разве Мене», или же, в изложении Самого Господа Иисуса Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь» [Мф. 22: 37—39]. «Возлюби Господа всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим» — и просветится твой помраченный ум, твой логикон. Слова Иисуса Христа: «Не десять ли очистились? где же девять? Как они не возвратились воздать славу Богу, кроме того иноплеменника?» — быть может, о том, что без исполнения первой заповеди не исполнить и остальные девять.

У больных проказой, как о том сказано в Лопухинской Толковой Библии, повреждаются небо и зубы. Небо и зубы — символ славословия и благодарения, и одновременно — символ ведения («зубы грешников сокрушил еси» в Пс. 3: 8 можно, видимо, понимать так, что Господь лишил грешников дара ведения). Самарянин, обретший вновь славословие, благодарение и ведение (а истинно славословящий не может не обладать ведением, он потому и славословит, что ведает) — символ десятины от человечества, посвященной Богу, то есть символ Церкви.

Подобно тому, как по очищении десяти евангельских прокаженных лишь один исцеленный возвратился воздать хвалу Богу [Лк. 17: 12—19],

так по очищении человеческой природы уничтожится в ней всякая множественность и один лишь дух, или интеллект, предстанет перед Богом. С этой стороны, в качественном, так сказать, отношении, процесс возвращения (человеческой природы в идеальное состояние) сводится к совершенному одухотворению человеческой природы (*conversio in ritum spiritum*), которое в праведных будет сопровождаться еще обоже-ствлением духа человеческого (*deificatio*) [Бриллиантов, 1998, с. 341].

Переведа это понимание Эригены на язык более привычных для нас представлений, мы можем также увидеть в возвращении к Иисусу Христу только одного из десяти исцелившихся прокаженных символ уцеломудривания души человеческой (восстановления иерархии духа, души и тела, когда все три триады человеческой тримерии обретают утраченное единство и, как одно целое, славят Господа), а также, может быть, символ соборности Церкви.

Эригена также говорит о прокаже как о символе небытия, проникшего в человеческую природу в виде призрака, явившегося в человеческом сознании, оставив самую человеческую природу неповрежденной [Там же. С. 391], и это хорошо вписывается в понимание проказы как обольщения ума человеческого (логикона) духом времени. Конкретные же виды и формы, которые принимает в нашем сознании небытие, или зло — многообразны.

Скорченность — «садукейская болезнь», недуг духовный, материализм

В одной из синагог учил Он в субботу; там была женщина, восемнадцать лет имевшая духа немощи: она была скорчена и не могла выпрямиться. Иисус, увидев ее, подозвал и сказал: женщина! ты освобождаешься от недуга твоего. И возложил на нее руки; и стала она славить Бога. При этом начальник синагоги, негодуя, что Иисус исцелил в субботу, сказал народу: есть шесть дней, в которые должно делать: в те и приходите исцеляться, а не в день субботний. Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу, и не ведет ли поить? сию же дочь Авраамову, которую связал сатана вот уже восемнадцать лет, не надлежало ли освободить от уз сих в день субботний? [Лк. 13: 10—16].

Скорченная женщина — символ души человеческой, вожделеющей к земному, связанной заботами мира сего и не могущей воспарить к Богу. Исцелившись, она «тотчас выпрямилась и стала славить Бога». Вол или осел — вожделевательное начало души, причем, привязанные к яслям, они символизируют: вол — устремления душевные, а осел — плот-

ские, в то время как потребность в воде знаменует собой жажду духовную. Митрополит Антоний Сурожский в книге «О встрече» пишет: «...Мне кажется, что монашество в отрешенности. Знаете, то, что Евангелие называет «отрешить вола или осла»: чтобы он не был больше привязан; это свобода от привязанности, это такое состояние, когда человек совершенно свободен следовать велению Духа, велению Бога».

Число шесть, согласно авве Евагрию, указывающее на очертание этой вселенной, символизирует (в речи негодующего начальника синагоги), опять же, направленность на дела земные. Число восемнадцать, дважды повторенное в приведенных стихах, будучи шестеркой, помноженной на три, символизирует устремленность к земному всей человеческой триметрии: тела, души и духа. Другими словами, приверженность земным попечениям знаменует в рассматриваемом отрывке шесть раз: скорченностью женщины, привязанными волем или ослом, числом шесть («шесть дней, в которые должно делать»), дважды числом восемнадцать и, наконец, самим начальником синагоги, вознегодовавшим на воскресение души человеческой, нарушившее заведенный порядок.

Исцеление женщины — то, что она выпрямилась и стала славить Бога, знаменует собою освобождение от земных попечений, «отрешение вола или осла», то есть день седьмой, субботу. Господь дает скорченной женщине возможность субботаствования и тем самым не нарушает субботу, а исполняет ее.

Начальник синагоги — по-видимому, саддукей, потому что фарисеи «почти не было в среде священников и очень мало в составе старейшин народа и членов синедриона», так как «должности эти требовали постоянных сношений с гражданской римской языческой властью, причем неизбежно возникли столкновения между нормами римского права и римской административной практики, с одной стороны, и постановлениями иудейского отеческого закона, с другой. Приходилось, по необходимости, подчиняться силе, делать уступки и входить в компромиссы, недостойные чистокровных ревнителей отеческих преданий, какими считали себя фарисеи» [Василий Кинешемский, свт., 1996, с. 553].

Суббота же, день седьмой, прообразует восьмой день — воскресение, Царство Небесное. Саддукеи не верили в воскресение, и это неверие, вместе с искаженным пониманием субботаствования, выражено в упреке начальника синагоги.

В недуге «скорченности», приземленности, недуге отвержения всего духовного мы не видим той яркой автономии неразумных сил души, вы-

шедших из-под контроля владычественного начала — ума, как в случае расслабленности или горячки. Ум здесь — начальник синагоги, он же и хозяин хлева. Ему досадно, что скорченная выпрямилась. Он-то и привязал вола и осла и не хочет их отвязать. Здесь первична болезнь духа, рабствующего плоти. Хребет, кость — дух человеческий, мысль Божия о человеке. Блаженный Феодорит Киррский в костях [Пс. 33: 21 — «Хранит Господь вся кости их, ни единая от них не сокрушится»] видит помыслы, которыми душа приобретает себе спасение. И.А. Ильин говорит о «костяке человеческого духа». «Отгьят от бремени хребет его» [Пс. 80: 7] — это об Израиле, вышедшем из земли Египетской. Согбенный хребет — рабство греху и смерти.

Скорченность — один из самых тяжких недугов, исцеленных Иисусом Христом. Кровоточивая сама подходит к Господу и тайно касается воскресия риз Его, и получает исцеление. У скорченной нет сил и нет решимости кровоточивой — нет, быть может, и мысли о том, что она нездорова. Господь Сам подзывает ее и исцеляет — и словом, и наложением обеих рук: и десницы, и шуйцы — и милостью врачует, и скорбями. И все же — это была синергия: Он подзвал, и она подошла, и тогда уже Он исцелил. И никакой заповеди Он не дает ей — ни о грехах, ни о вере. Ни прежде чем исцелить, ни по исцелении.

Блаженный Феофилакт Болгарский, в своем толковании на Евангелие от Луки, по-другому прочитывает число «восемнадцать» в рассматриваемых стихах: «...Душа бывает скорчена, когда она склоняется к заботам только о житейском и не помышляет ни о чем небесном или божественном. Почему и говорится, что она болеет восемнадцать лет. Ибо кто погрешает в соблюдении заповедей Закона Божия, которых «десять», и слаб в уповании на «восьмой» век, о том говорится, что он скорчен восемнадцать лет. Ужели не скорчен тот, кто, будучи привязан к земле и постоянно согрешая, нарушает заповеди и не принимает будущего века?»

Такое прочтение не отменяет, но лишь расцветчивает понимание числа «восемнадцать» как «шести», помноженного на «три». «10 + 8» говорит о том, что отвергнуто, «6 × 3» — о том, что принято скорченной.

Блаженный Феофилакт говорит также, хотя и предположительно, о причинах болезни, постигшей женщину, и о том, что должно делать скорченной душе, чтобы получить исцеление, то есть — что означает подойти к Господу, когда Он зовет тебя. «Быть может, сатана мучил ее потому, что она оставлена была Богом за какие-нибудь преступления... Но Господь исцеляет такую душу в субботу и в синагоге. Ибо когда кто соберет в себе помыслы исповедания (ибо Иуда означает исповедание,

а синагога есть место собрания иудеев) и будет хранить (субботу), то есть бездействовать во зле, тогда Иисус исцеляет его не словом только, говоря ему: освобожден ты от недуга своего, но и возложением рук». Может быть, и широкое распространение материализма — скорченность на уровне мировой культуры и общественной идеологии, — тоже наказание Божие за небрежение заповедями (сначала мы нарушаем заповеди, потом отвергаем их — уже по попушению Божию)?

**Водяная болезнь —
фарисейство, ересь, прелесть, оккультизм**

Случилось Ему в субботу придти в дом одного из начальников фарисейских вкушать хлеба, и они наблюдали за Ним; и вот, предстал пред Него человек, страждущий водяной болезнью. По сему случаю Иисус спросил законников и фарисеев: позволительно ли врачевать в субботу? Они молчали. И прикоснувшись исцелил его и отпустил. При сем сказал им: если у кого из вас осел или вол упадет в колодезь, не тотчас ли вытащит его и в субботу? И не могли отвечать Ему на это [Лк. 14: 1—6].

Вода — один из наиболее часто встречающихся символов Бога и Божественной благодати в Священном Писании — в настоящем отрывке (водяная болезнь, колодець) знаменует собой некоторое искажение в отношениях с Богом, некую духовность, но чрезмерную или ложную. Осел или вол, когда они упадут в колодець, оказываются не только в воде, но, вместе с тем, и во рву — в земле. Иными словами, тут говорится о тех, кто как-то неправильно, может быть, не по мере своей, устремляясь к Богу, оказывается, в результате, весь в страстях и, по сути, в земных попечениях, пусть это будут даже попечения о чистоте веры и о благе Церкви. Водяная болезнь, как непомерное накопление влаги в какой-нибудь полости или ткани тела, может символизировать и прелесть, и ересь, и некий спиритуализм восточного или западного толка, и законничество фарисейское, иными словами — какой-то перекосящий духовный, всегда сопровождаемый всплеском страстей, и особенно страсти гордости. «Как воробей, привязанный за ногу и пытающийся взлететь, падает на землю, влекомый веревкой, так и ум, еще не стяжавший бесстрастия, но пытающийся воспарить к ведению небесных (вещей), падает на землю, стягиваемый вниз страстями» [Максим Исповедник, с. 105].

Может быть, потому и блаженный Феофилакт Болгарский говорит о «распутной и беспечной жизни» больного водяной болезнью? Так вот и фарисеи впали в глубокий ров греха, не увидев Бога в явившемся им Богочеловеке, будучи обольщены ложной духовностью и отягощены бре-

менами законничества, то есть, оставив попечение о духе закона, который есть любовь, и впав в распутство духовное.

И потому неслучайно исцеление страждущего водяной болезнью совершается в доме одного из начальников фарисейских, как неслучайно исцеление скорченной происходит в присутствии начальника синагоги, устами которого говорит сама болезнь ее — скорченность, материализм, приземленность. Господь исцеляет страждущего водяной болезнью одним лишь прикосновением — как единым прикосновением обращает апостола Павла и единым прикосновением вразумляет молодого, еще только начинающего подвизаться Иоанна Колова². Страждущий водяной болезнью сам предстает пред Господом, которого ищет и, после блужданий, смирившись, находит — в тот миг, когда Господь, прикоснувшись, исцеляет его (в отличие от скорченной, которая приближается к Господу лишь после Его прихода к ней и зова Его, и которую Он исцеляет словом и наложением обеих рук). Страждущий водяной болезнью не нуждается в произнесении слова, он уже слышал его, но теперь — услышал. И фарисеи, в отличие от негодующего начальника синагоги, молчат — словами Закона не опровергнуть Того, Кто пришел исполнить Закон.

На первый взгляд кажется, что скорченность и водяная болезнь суть два полюса некоей единой духовной координаты, на которой каждый из нас занимает какое-то место или по определенному отрезку которой может двигаться вверх и вниз (или, может быть, точнее будет сказать:

² «... С родным братом своим Даниилом он удалился в Скит, где оба приняли монашество. Они поместились на жительство в одной келлии и подвизались в посте и молитве. По прошествии некоторого времени Иоанн сказал брату своему Даниилу: я решился нисколько не заботиться о теле, не хочу употреблять пищи и питья, приготовленных на огне, но хочу пребывать в этой пустыне без попечения, подобно бесплотному ангелу. Сказав это, он тотчас снял бывшую на нем одежду и нагой вышел из келлии в пустыню. В эту ночь случился сильный мороз. Не стерпев мороза, Иоанн возвратился в келлию к брату своему и начал стучаться в двери. Брат, желая вразумить его, долгое время не подавал голоса; потом сотворил молитву и сказал: кто там стучится так настойчиво в мои двери? — Иоанн отвечал: это — я, брат твой Иоанн, не могу вынести мороза и возвратился послужить тебе. Даниил отвечал: не прельщай меня, демон! Уйди: я не отворю тебе. Как смеешь ты говорить, что ты — мой брат? Разве не знаешь, что брат мой — ангел, что он небрежет о теле, что не нуждается в пище? Уйди от меня! Иоанн сотворил молитву и сказал: я — брат твой Иоанн! Ныне узнал, не стерпев мороза, что на мне плоть. Когда он покаялся, то брат отворил дверь и принял его в келлию, при этом сказав ему: брат! на тебе плоть: для нее ты должен трудиться о пище и одежде» [Игнатий Брянчанинов, свт., 1891, с. 260].

налево и направо), то приближаясь к срединному, царскому пути, то удаляясь от него. Но это, похоже, не так. В случае скорченности дух как бы самоустраивается, добровольно становясь на позиции материализма и предлагая душе обслуживать потребности плоти. Водяная болезнь всегда означает ожесточенную борьбу духа с плотью — ослом или духа с душой — волом, борьбу, которая, в конечном итоге, бывает всегда проиграна духом, так как речь тут идет о ложной духовности, творящей насилие над душой и телом (и возлагающей на них бремена неудобноносимые), вместо того, чтобы мало-помалу, одухотворить их³. Однако и победа плоти над духом не приведет страждущего водяной болезнью к состоянию скорченности (во всяком случае, не обязательно приведет), а скорее найдет себе выражение в чем-то вроде хлыстовства или просто каких-то падений и срывов, временных или уже не дающих подняться, но даже и тут — это не будет непременно состояние скорченности. Все же осел или вол у яслей, наполненных кормом, и осел или вол, упавшие в ров в попытке утолить свою жажду, знаменуют собою разные состояния человеческой тримерии. Так или иначе, водяная болезнь характеризуется значительно большей динамичностью и большим разнообразием вариантов по сравнению с недугом скорченности, и был бы определенный смысл в том, чтобы — пусть не во всей полноте, которая неосуществима — попробовать описать некий набор этих вариантов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бриллиантов А.И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. М.: Мартис, 1998.
- Василий Кинешемский, свт. Беседы на Евангелие от Марка. М.: Отчий дом, 1996.
- Дидон, Спаситель мира. М.: Сретенский монастырь, 1998.
- Зигабен Е. Толковая Псалтирь. М.: Православный храм иконы Божией Матери в Ясенево, 2000.

³ Одна из возможных силовых линий такого одухотворения нашла свое иконописное выражение во взаимодействии зеленого и золотого на иконах, изображающих апостола Павла, о чем читаем у Флоренского: «Зеленые цвета, как известно, знаменуют стихийные основы мировой жизни, космическую волю, рождающие недра бытия; в порядке личных переживаний, это есть экстатическое слияние с природой и, в плохом аспекте — натурализм. Золото же, притом — золотое Евангелие, — Логос, Христос, благодать, вера. Вот оба полюса имени Павел, причем хотя и противоположные, они красочно родственны друг другу, и друг в друга переходят: золото есть утонченная и просветленная зелень, одухотворенная световая сущность зеленых тонов» [Павел Флоренский, свящ., 1993, с. 234].

- Игнатий Брянчанинов, свт. Отечник. М.: Изд-во Донского монастыря, 1891.
Максим Исповедник, св. Главы о любви. Кн. 1, гл. 85.
Позов А. Основы древнецерковной антропологии. Сын человеческий. Мадрид, 1965.
Павел Флоренский, свящ. Имена. М.: «Купина», 1993.

GOSPEL HEALINGS AND THE ONTOLOGICAL TYPOLOGY OF PERSONALITY

E.Y. VOLOKHONSKAYA

The essay is one of the first attempts to use the ontological symbolism as a language of orthodox anthropology. On the basis of a symbolic reading of the Gospel stories about healings of bodily diseases author proposes criteria for 12 types of personality. Three of them are described in detail.

Keywords: gospel, symbol, healing, typology, spirit, soul, body

- Brilliantov A.I. Vlijanie vostochnogo bogoslovija na zapadnoe v proizvedenijah Ioanna Skota Jerigeny. М.: Martis, 1998.
Vasilij Kineshenskij, svт. Besedy na Evangelie ot Marka. М.: Otchij dom, 1996.
Didon, Spasitel' mira. М.: Sretenskij monastyr', 1998.
Zigaben E. Tolkovaja Psaltir'. М.: Pravoslavnyj hram ikony Bozhieј Materi v Jasenevo, 2000.
Ignatij Brjanchaninov, svт. Otechnik. М.: Izd-vo Donskogo monastyrja, 1891.
Maksim Ispovednik, sv, Glavy o ljubvi. Кн. 1, gl. 85.
Pozov A. Osnovy drevnecerkovnoj antropologii. Syn chelovecheskij. Madrid, 1965.
Pavel Florenskij, svjaw. Имена. М.: «Kupina», 1993.